

ЛЮБОВЬ
Попова

*Н*ОЧЬ С
ЛУЧШИМ ДРУГОМ

Любовь Попова

Ночь с лучшим другом

«Автор»

2022

Попова Л.

Ночь с лучшим другом / Л. Попова — «Автор», 2022

«— Опять ты его в драку втянул! — бегло осматривает Саша своего младшего брата. Но кроме пары царапин, повреждений я не заметил. Это при том, что дрались мы двое против четверых. — О чем ты думал! Зачем полез к этим уродам! Она еще причитала, причитала, а я как идиот улыбался. Потому что приятно знать, что хоть кому-то не наплевать. Хоть кому-то важно, что ты живой и здоровый. Пусть и через младшего брата, но как же здорово, что теперь Сашка ругает и меня...» Содержит нецензурную брань. * В тексте упоминаются социальные сети Facebook и/или Instagram (организации, запрещённые на территории РФ). ** Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией на территории РФ.

© Попова Л., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Любовь Попова

Ночь с лучшим другом

Пролог

*****Мирон*****

– Опять ты его в драку втянул! – бегло осматривает Саша своего младшего брата. Но кроме пары царапин, повреждений я не заметил. Это при том, что дрались мы двое против четверых. – О чем ты думал! Зачем полез к этим уродам!

Она еще причитала, причитала, а я как идиот улыбался. Потому что приятно знать, что хоть кому-то не наплевать. Хоть кому-то важно, что ты живой и здоровый. Пусть и через младшего брата, но как же здорово, что теперь Сашка ругает и меня.

– У меня между прочим рана на плече, – делаю несчастный вид, отвлекаю ее. Она поднимает глаза. Обычно голубые, сейчас от гнева и слез страха – синие. Но чтобы она не говорила, как ни ругала, все равно не сможет отказать. И если любая другая будет строить ровеснику глазки, то Саша просто сделает своё дело. А потом и подзатыльник даст. – Это Митя меня в драку втянул.

– Как тебе не стыдно, Мирон! Еще и стрелки переводишь на мальчика!

– Саш, – подает голос Митяй. – Он правду сказал. Просто эти уроды сказали, что ты скоро станешь их подстилкой, и я не мог удержаться.

Саша на миг теряется и это выражения недоумения на ее лице бесценно. В такие моменты с нее слетает заумность и остается только женственность. Она быстро обнимает брата, гладит его по голове, я в такие моменты ненавижу Митю, что ему достаются такие нежности. И я бы хотел, конечно, быть ей братом, только вот в груди ноет не по-родственному.

Саша поднимается, открывает рот, чтобы сказать «спасибо», но не разочаровывает, потому что редко против своих принципов идет. Не благодарить парней в детском доме, это чревато лишением девственности.

– Не важно! Ты старше! Он к тебе тянется! Значит, ты обязан его оберегать.

– А ты?

– Что я? – наконец поднимает она смущенный взгляд. Ни грамма флирта, только напряжение.

– Ты тоже ко мне тянешься? Ну я же старше.

– Как магнит с противоположным полюсом, – отвечает она и встает с колен, берёт брата за воротник и тащит в свой блок, где продолжит его отчитывать.

И я улыбаюсь.

– Магнит же... – но только потом до меня доходит, что противоположные полюса отталкиваются. Но я все равно как дурак радуюсь. Ощущать ее свежий запах так близко почти счастье. А смотреть, как плавно её узкие бедра двигаются из стороны в сторону, поэзия. Вся такая хрупкая, маленькая, беззащитная, при этом совершенно негибкая. Настоящая скрипка. И мало кто не хотел бы сыграть на ней своим смычком.

Она редко улыбается. В основном только своему младшему брату, к которому часто бежит в другой блок нашего детдома. Она редко говорит на уроках, но, если спрашивают, отвечает по делу. Она не пытается выделяться, но с её внешностью это сложно. Внимание привлекают и чуть раскосые, голубые глаза и волосы, что она вечно прячет в пучок, и попка яблочком.

Это все не говоря о дерзких, упругих грудях, которые очень выгодно смотрятся с отвисшими дойками ее ровесниц.

Саша Самойлова появилась в приюте несколько лет назад. Испуганная, нескладная, вечно всех поучающая. Я бы даже не заметил её, если бы не её брат Митя, который как банный лист везде за мной таскался. Мне приходилось защищать его. И волей не волей общаться с Сашей.

И если сначала я думал, что она такая, как все эти девочки, что принимают подарки за свои прелести, но потом понял, что ей это не интересно. Мало того, ей и мальчики не интересны.

В какой-то момент, ворюя из очередного богатого дома неподалеку безделушку, мне очень захотелось подарить ее ей. Так сильно та балеринка напоминала мне Сашку. Приехав в ту ночь, я стал очередным профаном, который попытал с ней счастье. И был близок к победе, ведь шкатулка Саше понравилась. Она почти минуту не отрывала взгляда от нее, ее лицо светилось, ее зубки то и дело покусывали пухлые губы.

В тот момент я осознал, насколько хороша будет Саша в богатых шмотках и на крутой тачке. Она достойна этого. И когда Саша протянула руку, мое сердце готово было выскочить из груди. Но она лишь закрыла крышку, прервав мелодичное звучание. В тот момент я понял, что погиб окончательно.

– Очень красивая, – только и сказала она, а мне захотелось прояснить.

– Я бы мог шантажировать тебя Митей.

– Мог бы, – пожала она плечами и ушла, а я остался стоять и усиленно думать, как мне завоевать сердце такой девушки.

И я пытался. Но намёков Саша не понимает, на пошлости не реагирует. Только иногда кивает в знак благодарности. Но это простое беззвучное «спасибо» ценнее благосклонности любой давалки в коридорах. Тем более, что в моменты кульминации я всегда думаю о Саше. О том, как сверкают золотом её волосы на солнце, а как грудь просвечивает через два слоя казенной ткани. Или о том, как она подставляет лицо каплям дождя, а они скользят по гладкой коже, теряясь в самых потаенных уголках ее тела. Но по-настоящему фантазию распалила ручка, колпачок которой она кусает, когда напряженно о чем-то думает.

И я даже готов был спросить прямо не готова ли она сменить колпачок на нечто более увесистое, смелости мне не занимать, как вдруг идя по коридорам я случайно услышал «Самойлова».

Я сворачиваю и иду за нашей директрисой и крупным мужчиной в синем костюме. Взрослый и, судя по одежде, при деньгах. Почему-то меня тронул страх, что Сашку хотят в бордель продать, а квартиру, положенную по государству, отнять... Такое нередко бывает, но я был уверен, что Сашку это не коснется. Поэтому нужно послушать, чтобы знать точно... Но услышанное повергает меня в ступор, а ноги немеют и подгибаются. В груди зреет боль утраты, хотя еще ничего не произошло.

Митю усыновят, а над Сашей возьмет шефство этот хрен. И что значит шефство?

– Вы уверены, что её не трогали?

– За ней хорошо наблюдают, как вы и просили. Я, конечно, не могу следить за ней круглосуточно, но как я слышала, Александра никого к себе не подпускает.

– Замечательно...

– А... Вы её себе хотите? – очень подобострастно спрашивает директриса, и меня передегивает. Ей бы только бабла срубить.

– Это вас не касается. Где она? Хочу взглянуть.

Я проследил, как этот хер пялится на Сашу. И понял две вещи...

Он точно её хочет себе. И если он начнет подкатывать яйца, то мне лучше отойти в сторону. Хотя бы потому что у такой умной девочки будет шанс на достойную жизнь, а со мной только на долги или возможность стать беременной женой зэка. Потому что я пока что не знаю, как иначе жить, не нарушая закон...

* * *

Эта история о золушке Саше в современном мире, только вот принца у нее будет два.
Приятного чтения!

Глава 1

– Нет, нет и еще раз нет, Саша. Я тебе уже говорила и еще раз скажу, что восемнадцатилетней выпускнице приюта никто никогда не отдаст на иждивение девятилетнего брата. Ну сама подумай, зачем тебе такая обуза?

Каждое слово этой высокоморальной женщины, спящей с женатым мэром, при этом толкающей речи о важности правильного воспитания, отдается набатом в мозг.

– Ну вы же можете сделать исключение? Вы всегда для меня делали исключение! Он мой брат! – вопрошаю я в который раз, потому что не могу оставить его здесь. И дело не в обещании, которое он трясет с меня каждый день на протяжении пяти лет, что мы здесь были, а просто потому что...

Там за стенами целый мир в котором у меня никого нет. А Митька, он... Умный. Он книжки читает. Даже курить еще не начал, хотя вся его банда уже смолит, прячась по туалетам. Дураки. Можно подумать это их взрослее сделает.

– А тебе не кажется, что для тебя было сделано и так слишком много исключений? Ты разве что на постелях шелковых не спала и суши на завтрак не ела.

– Моя жизнь здесь ничем не отличалась от жизни других девочек, – почти. – Это вы меня выделяли, а теперь говорите, что я не могу даже на патронаж взять брата? Как так?

– Не смеди мою силиконовую грудь, милая, – хохочет она, сидя за своим дорожным столом из дуба. И это при том, что окна в приюте все деревянные. – Тебя разве что на руках не носили. Тебя никогда не били, не наказывали, кормили лучше всех, одевали в новое.

Не поспоришь, только вот она не знает, как часто мне прилетало за эти самые «блага» от других девочек.

– У тебя будет свое жилье, пособие. Найдешь богатого папика. С твоей мордашкой это труда не составит. Зачем тебе малолетний брат?

Богатого папика.

Почему каждый взял за правило напоминать мне, что у меня есть гипотетический благодетель, который растит меня себе в любовницы? И почему каждый раз думая об этом, я сравниваю себя со свиньей, выращенной на убой? Противно.

И вот снова, теперь от директора нашего приюта, нашей «мамы» Илоны Валерьевны, которая давно и прочно повязана с организованной преступностью.

Ее волновало, чтобы ее благодетель был доволен, а благополучие детей побоку. Ничего удивительного, что все они напомнили волчат, разбившихся по стаям. Моей был брат. И я хотела его забрать. Нет, не так... Он мне просто жизненно необходим.

– Заберите мою квартиру. Это же недвижимость, она много стоит...

– Твоя студия? Копейки...

– По закону... – начинаю я очередной разговор о своих правах, чувствуя, что терпение кончается, а паника захлестывает, – по закону я его сестра, и вы обязаны позволить нам хотя бы видаться.

– Я обязана лишь Богу, – усмехается она, рассматривая свой маникюр, который из-за летнего солнца бросает слепящие блики на мое лицо. – Но Бога здесь нет, как видишь. Так что будь добра, исчезни и ты. Если опоздаешь на автобус, в город придется идти пешком.

И, наверное, вот этот ее издевательский тон не позволяет мне сдаться.

Мысль о том, что Митя останется под надзором этой твари, не дает мне покоя ни днем, ни ночью. Особенно остро я думала об этом при приближении выпускного.

И вот аттестат об образовании на руках, как и ключи от студии под Москвой на самой дальней ветке метро, а брата я так и не придумала, как спасти.

– Я не уйду отсюда без брата, – заявляю я громким, четким голосом, сев прямо там, где стою.

На что «мама» преспокойненько набирает нужный номер, и пара парней, которым еще год здесь чалиться, хватают меня за руки и несут на выход.

Но я так просто не сдамся.

Я царапаюсь.

Кусаюсь.

Кричу:

– Митя! Митя! Я никуда не уеду без Мити! Митя, беги!

– Саша! Сашка! – он уже рвется за мной, выбегая из двухэтажного здания, но его хватает Илона и тащит от меня, не взирая на все попытки мальчика вырваться.

– Митя!

– Мирон! Сделай что-нибудь! Мирон! – орет Митька одному из парней, которые идут к автобусу. – Я без вас здесь не выдержу! Я не смогу! Саша-а, не оставляй меня! Ты обещала! Обещала!

– Митя-я! – кричу, когда меня вдруг бросают лицом в лужу со смехом и шутками.

– Освежись, дура.

А я медленно поднимаюсь, чувствуя, как слезы уже сплошным потоком текут по лицу, смешиваясь с грязью, а горло перехватывает от очередного крика.

– Митя-я-я!

Глава 2

Рядом с собой вижу худую руку, но отталкиваю ее и встаю сама.

– Ты мог хоть что-то придумать?

– Чтобы меня тоже бросили в лужу? – заявляет этот бомж, по-другому и не скажешь. Вечно нечёсанный. Вечно нежелающий учиться, и где-то шатающийся, худой как трость. Не парень, а доходяга.

Никогда не понимала, что в нем нашел Митька и почему таскается за ним, как за старшим братом. Лично мне даже говорить с ним было не о чем, хотя со слов брата я знала, что он любит детективы и головоломки, а на уроках постоянно дерзит учителям.

– Это твой брат, тебе и нести за него ответственность, – говорит он так хладнокровно, что вызывает у меня не меньше ненависти, чем Илона и все, кого я встретила в этой богадельне.

Я была уверена, что нас с братом после смерти отца и матери при пожаре заберут бабушки или дедушки. Дяди, тети. Кто угодно!

Но никто не приехал. Ни через месяц. Ни через год. Ни через пять лет.

И я не могу сказать, что мы жили совсем уж ужасно, ко всему можно привыкнуть, спасибо не трогали и не унижали, как других. Но сам факт нашего здесь нахождения доводил порой до истерик со слезами.

Я была уверена, что как только мне исполнится восемнадцать, я смогу забрать Митю, со временем найти хоть какого-то родственника. Но эта коза внезапно дала добро на его усыновление. Мол в полноценной семье ему лучше будет.

Да что может быть полноценнее, чем родная сестра?

– Все в автобус! – кричит водитель и сажает свою огромную тушу в пазик, от которого валит чёрный дым и до тошноты пахнет бензином.

Стою, не двигаясь, реву, пытаюсь понять, как мне действовать.

Может найти адвокатов? У нас была богатая семья, должно же было хоть что-то остаться? Заплатить этой жадной твари квартирой не получается, а что еще? Как забрать Митю...

Может ему действительно будет лучше с новыми папой и мамой?

Наверное, лучше... Но как же ломает, словно душу на части рвет.

Ненавижу, как я всех их ненавижу...

Не поверю, никогда не поверю, что где-то ему будет лучше, чем со мной...

Все еще стою, когда даже Мирон, выкинув сигарету, забрался в автобус.

Он повезет нас во взрослую жизнь. Кто-то верит, что она лучше будет, а я считаю: не сохнем в канаве и уже хорошо... После карцера, голодных ужинов, наказаний струей воды, этих детей, кажется, уже ничего не может напугать.

Кроме разве что одиночества. Вот его я особенно боюсь. Без Мити я добровольно и навсегда сажусь в тот самый карцер.

– Самойлова! Либо ты садишься в автобус, либо я оттащу тебя за волосы! – орет из окна водитель, от жары покрасневшийся как помидор. Может он лопнет?

– Иду, – кричу так, словно вместо этих трёх букв стоят другие. Потом топаю до открытой дверцы заваленного пазика. Залезаю внутрь и сажусь на одно из свободных мест. Сегодня из одной тюрьмы в другую уезжает всего девять человек. И скольких ждет такая же тюрьма. Работа... Часть девушек уже ждут в притонах, а парней там, где пригодятся их воровские способности. Остаётся понять, чем я буду заниматься.

Но сначала надо вытащить брата. Того самого мальчика, которого я держала на руках, когда мама принесла его домой после роддома. Папа стоял рядом с огромным медведем. О, да, наконец он получил своё продолжение...

А я получила малыша, которой наконец стал мне другом в огромном, безликом особняке, в котором мы жили.

Я уже забыла, какой была та моя жизнь, но брата я не забуду никогда.

– Самойлова, – подсаживается Мирон, и мне ничего не остается, как посмотреть в его зеленые глаза. Слишком большие на худом лице. – Ты дура.

– Как мило.

– Иди в прокуратуру и пиши на Илону заявление.

Теперь мне стало слушать гораздо интереснее, но страх, что Митю уже сегодня повезут куда-то там, буквально захлестывает.

– И что сказать? Что она тебя домогалась? Ты не в ее вкусе, – говорю язвительно, но Мирон даже внимания не обращает.

– Тебе надо сочинить байку про нее и про насилие над твоим братом. Если они спустят на тормозах, идти в прессу.

Слушаю, вроде смысл слов понимаю, но волнует другое.

– Зачем ты мне это говоришь? Почему хочешь помочь?

– Ну, – он заправляет длинную пряжу непонятного цвета за ухо. – Я думал, ты как все. Ждешь богатого папика...

«И он туда же», – думаю зло.

– И что тебя натолкнуло на эту мысль?

– Ну ты в зеркало себя давно видела?

– В отличие от тебя, смотрюсь каждый день, – огрызаюсь, смотря на его сальные патлы, а потом примерно прикидываю, сколько мы уже проехали, и станет ли водитель поворачивать назад.

Этот патлатый прав, надо идти и трезвонить о беззаконии, но все это я буду делать, когда брат будет рядом со мной.

Поэтому, повинувшись безумной идее, я резко хватаюсь за живот и оглушительно кричу.

Пазик ведет в сторону, а водитель, тормознув на обочине, орет, брюзжа и выпучивая глаза.

– Совсем одурела?! Че ты орешь?!

– Спазм... – говорю, выдавливая слезы и продолжая держаться за живот.

– Какой еще сарказм?

– Спазм! Больно мне! В туалет надо!

– Так вали уже... Еще не хватало мне салон загадить...

Салон, надо же...

Выхожу и, сгибаясь, бегу в лесок.

А большего и не требовалось. Засев за кустами, я жду, когда водитель перестанет ждать и уедет. Потому что меньше всего его волнует мое благополучие.

Через семь минут, как по расписанию, машина газует, а я преспокойно выхожу на дорогу. И застываю, заметив патлатого.

– Тебе чего? Только не говори, что у тебя тоже сарказм?

– У меня жизнь дерьмо, а у вас с пацаном есть благодетель. Так что мне очень хочется, чтобы золотым дождем полило и меня.

Вот же наглый придурок. Знал бы Митя, зачем он с ним возится.

– Даже если, как ты утверждаешь, – говорю я, подтягивая лямку рюкзака. – У нас есть благодетель. То зачем мне ты?

– А без меня ты Митьку не вытащишь. Или сдохнешь по дороге. Знаешь, что делают с одинокими красивыми девочками на дорогах? – поднимает он черные брови, а меня пробивает дрожь. Слышала я эти истории. – Рассказать?

- Не надо. Погнали. Надеюсь, ты хоть драться умеешь?
- Чего я только не умею, Саша на шоссе, ты еще влюбишься в меня.
- Скорее ад замерзнет, – фыркаю я, подстраиваясь под его широкий шаг.

Глава 3

Зная, как часто Мирон шляется вне приюта, ничего удивительного, что он знает все дырки в заборе.

Вот только меня оставляет караулить возле нее. А я бы и хотела возразить, но попадаться на глаза, когда, по сути, воруешь государственную собственность, не стоит. А Митя принадлежит государству, и, по сути, меня могли привлечь. Так что мне как можно быстрее нужно привлечь к ответственности государство в лице силиконовой «мамы».

Радует, что вечер еще не скоро, а нам не придется идти по шоссе в темноте. Там и при свете прогулка не слишком приятное занятие.

Слышу треск веток и шепот и, резко поднявшись, вдруг падаю, так что дыхание перехватывает. Меня сбивает с ног Митя, тут же сжимая в объятиях.

– Я знал! Знал, что ты меня не оставишь, сестренка!

– Бреешь, – усмехаюсь, потрепав его по голове, ощущая, как грудь сжимают рыдания.

– Вот только соплей разводить не надо, – грубо говорит Мирон.

Черт. А я уже и забыла про него.

– Мы не разводим. Мы вообще втроем лучшая команда, как люди Икс, – восторженно восклицает Митька, и в припрыжку бежит от забора в сторону густого леса, среди которых и прячется наш приют.

А я только фыркаю и хочу уже сказать малышу, ради какой меркантильной цели патлатый возился с братом. Но не успеваю открыть рот, как его закрывает ладонь. Опять эта ладонь, крупная с мозолями, что ощущаются губами. Сколько можно?

– Заткнись... Если ты разрушишь его мечту об идеальной команде, искать тебе его потом по всему лесу. И я помогать не буду. Так что то, что я прошу мне насыпать золотых по итогу, только наше с тобой дело, усекла, красотка?

– Весьма доступно, – отталкиваю его руку и стираю с губ следы его кожи. – И не трогай меня, понял?

– Весьма доступно, – кривит он губы в усмешке и забрасывает свой рюкзак на плечо. – Если только ты оплату чем-то другим не хочешь отдать.

Он уже бежит за Митькой, а я только ловлю ртом воздух. Возмущаясь, что он вообще мог представить себя со мной в подобной ситуации. Да в любой ситуации!

Где я и где патлатый. О чем ему и говорю, когда наконец догоняю ребят, бегущих в сторону дороги.

– Даже думать не смей!

– О чем, – поднимает этот придуток брови, чем вызывает почти приступ бешенства.

– Об... Этом! Форма оплаты будет только денежная.

– Вы о чем? – поднимает Митя голову.

– Твоя сестра в меня влюбилась, – выкручивается Мирон, когда я осознаю, что ляпнула.

Тут же даю ему подзатыльник. И не скуплюсь для молчаливого Мити.

– А мне за что?

– Чтобы из головы дурацкие мысли выкинул.

Мы идем вдоль шоссе все дальше, пока мимо нас в разные стороны несутся машины. Мне все так же некомфортно. Мирону же все нипочем. Он словно что-то в уме просчитывает.

– Надо было для легенды хоть гитары взять, – думаю вслух, когда пассажиры в очередной машине на нас обернулись.

– Зачем?

– Сошли бы за бременских музыкантов, – бурчу я, невольно поглядывая в лес. – Может туда?

– Нет, – отрезает Мирон. – Там идти дольше будем, а я уже жрать хочу.

– Я тоже голодный, – канючит Митька.

– Да вы че! – кричу я. – Хватит ныть! Нам дальше идти надо, останавливаться нельзя. Я не хочу спать на улице, в лесу!

– Ложись... – что? Ничего не понимаю, но мне и не требуется.

Мирон буквально толкает меня на дорогу поперек разметки и кладет ровно на край, при этом трогая тело и ноги.

– Хватит меня домогаться.

– Да кому ты нужна? Лежи, и не двигайся, – говорит он, и я вижу, как он достает из рюкзака внушительный камень и кидает на дорогу.

Именно в этот момент из-за поворота со стороны Приюта появляется джип, резко затормозивший из-за брошенного камня, а Мирон уже убегает и кричит из-за кустов.

– Притворись умирающей и не забудь про прокуратуру.

– А ты?! – кричу я, с волнением наблюдая, как он скрывается, словно еще один кусок мозаики, открывающей для меня мир взрослых. – Как же долг?!

– Я тебя найду, не сомневайся! – шипит он и скрывается ровно за секунду до того, как дверь машины открывается. А по асфальту слышатся тяжелые шаги. Я прикрываю глаза, шепчу Мите:

– Подыграй.

Пауза затягивается, а открывать глаза я боюсь. С другой стороны, может мужик маньяк какой, раз даже слова произнести не может.

Я даю себе установку открыть один глаз. Только один, чтобы узнать, что с Митей все хорошо. И тут же почти задыхаюсь от взгляда, которым осматривает меня мужчина.

Высокий, с этого ракурса кажется просто нереально огромным. И что самое главное, он не планирует даже спрашивать, в порядке ли я. Словно ему все равно, а я просто неинтересна.

– Отдохнула? – спрашивает он совершенно бестактно, что не вяжется с его стильным костюмом серого цвета и отчерченной квадратом челюстью. А руки в карманах говорят о его нетерпении. – Вставай, у меня нет времени с тобой возиться.

– Возиться? – не понимаю я совершенно ничего. Митя тоже хлопает глазами, смотря на мужчину. – О чем вы говорите?

– Кто кинул камень? – неожиданно спрашивает он.

– Мирон, – автоматически говорю я, невольно бросая взгляд на ту часть лесной полосы, где он скрылся, но в голове такой сумбур из мыслей, что меня начинает подташнивать. – Но откуда вы знаете, что камень бросили. И почему...

– Саша, – ошарашивает он меня знанием имени. – Не напрягай мозг, морщины будут. Просто садись с машину.

Он осматривает колеса на своем джипе, пинает их, после чего открывает заднюю дверцу, и мне действительно становится не по себе. Настолько, что я даже торможу уже было рванувшего Митю. Он всегда любил дорогие тачки, понимаю, в то время как вопросы плавают в голове пираньями, то и дело пытаюсь сожрать часть сознания и повергнуть меня во мрак.

Почему Мирон остановил именно эту машину? Почему именно в этот момент? Откуда он знал? У них заговор? Что со мной хотят сделать?

– Вот, я же говорю, – усмехается он и первое, что я замечаю, это ямочку на щеке. – На лбу уже морщина. Садитесь быстрее.

– Мы вас не знаем.

– Зато я знал ваших родителей. Садитесь, я все вам расскажу, – говорит он, уже теряя терпение, что выражается раздувавшимися ноздрями и почти шипением. – Ну!?

– Тогда почему вы раньше не объявлялись? – упираю руки в бока, начиная заводиться от злости и осознания собственного невежества. Но тут вдруг рядом с нами затормаживает черный мерседес. И на заднем сидении я вижу пару отморозков, что не раз появлялись у нас в приюте. Именно это, а не что другое, заставляет меня схватить Митю за руку и сверкнуть пятками в сторону машины.

Мужчина хмурится такой реакции и вдруг поднимает полы пиджака, где на поясе я вижу кобуру с пистолетом.

Он идет разговаривать с отморозками, что вышли из своей тачки и уже прицелили взгляд в нас. Жестикуляцией я понимаю, что они начинают борзо угрожать, демонстрируя оружие. Мы с Митей переглядываемся.

– Может сейчас убежим?

– Не волнуйся, – прошу я, хотя у самой душа давно плашмя валяется в пятках. Просто учитывая целый неизвестный мир, мужчина, знавший наших родителей, кажется почти надежным.

«И красивым», – мелькает мысль. Может и глупая. Это ведь только в детских сказках красивый, значит, добрый, а уродливый, значит, злой. В жизни это так не работает, и порой за позолотой скрывается ржавчина.

– Ты думаешь, он хороший? – спрашивает Митя, а я только и думаю, что понятия хороший и плохой сильно размыты. Вот и сейчас высокий незнакомец демонстрирует свое оружие, и после того, как мужчины посверлили его взглядом, что-то им говорит и преспокойно разворачивается к машине.

Сердце на каждый его широкий, почти солдатский шаг отбивает стройный ритм, особенно от того, как он на меня смотрит.

Не могу понять, как к этому относиться, не сказать, что я много общалась с мужчинами. Особенно такими вот загадочными. Обычно парни предлагали мне разные финтифлюшки, типа украшений или сигарет за возможность со мной встречаться. И я бы может и согласилась бы хоть раз, но в слово «встречаться» мы вкладывали разный смысл. Так что мне приходилось их отваживать, порой отбивать атаки на свое тело. И почему-то сейчас меня волнует вопрос, смогла бы я сопротивляться такому крупному и сильному мужчине. Но самое главное, захотела бы?

Незнакомец открывает двери, садится за руль, заводит двигатель. И я уже хочу открыть рот и начать задавать череду своих вопросов, как он поворачивается к нам, вынуждая провалиться в омут его серых глаз.

– Я – Алекс.

Я Алекс. Как просто. Имя под стать его равнодушию. Но меньше всего я должна думать о нем. И об этом человеке в принципе. Уж точно не замечать изгиб губ или форму ушей.

– Они хотели забрать Митю? – законы вежливости меня не очень интересуют. Тем более мое имя он знает. – Почему они даже не попытались?

– Потому что я бы не позволил, – говорит Алекс, смотря мне в глаза. Да еще так пристально, от чего щеки начинают буквально пылать. И я бы умерла, но благо моя бледная кожа не выделяет никаких пигментов, и мое волнение можно разглядеть разве что по вспотевшим ладоням и постоянно влажным от языка губам.

– Значит, вы нам поможете? Поможете Мите остаться со мной?

– Нет, – говорит он настолько категорично, что все волшебство иллюзии тает, делая пробою в моем душевном равновесии. – Его скоро усыновят, и это не обсуждается.

– Но почему! – рвусь к ручке, но они все заперты. – Если ты знал наших родителей, если ты... Откуда ты знал, когда нужно поехать...

От вопросов, появляющихся в таких количествах, начинает болеть голова...

– Я несу за него ответственность, – пожимает он плечами. – Моя по отношению к тебе закончилась месяц назад, так что осталось пристроить его.

– Тогда зачем ты посадил нас в машину?! Лучше бы дал нам сбежать! – огрызаюсь я, прижимая к себе Митю. Не отпущу! Не отдам!

– Потому что, если я не присмотрю за вами, ты снова его выкрадешь. А этого я допустить не могу, потому что тебя посадят! – объясняет он поджатыми губам, а меня начинает колотить. За что? За то, что забрала родного брата? – Поживете пока у меня...

Глава 4

Мы едем недолго, постоянно поглядываем за окно, словно готовые выпрыгнуть на ходу. Я лишь думаю, о том, что Алекс не планирует нам помогать, хотя утверждает, что знает наших родителей.

И сотни вопросов возникает. Откуда знал? Какие между ними были отношения? Почему не разу не появился и не представился. А самое главное, он ли был тем благодетелем, про которого мне талдычили все пять лет?

Но из всех них, самый главный вопрос, откуда Мирон знал, какую машину тормозить?

И я невольно оборачиваюсь, словно рассчитываю увидеть его самого с транспарантом, на котором большими буквами будет ответ.

Алекс молчит до самой подъездной дорожки к двухэтажному дому.

Их таких в этом элитном поселке стоит много. Шикарные, дорогие, с огромными заборами, за которыми можно разглядеть разве что черепичные крыши.

Наша семья тоже в таком жила, в таком же погибли наши родители. Мать, Лилия, миниатюрная, светленькая, очень добрая. И отец, Богдан, высокий, строгий, порой пугающий до жути. Этакая идеальная арийская семья. Ничего удивительного, что мы с братом тоже получились светловолосые.

Первая мысль, когда мы выходим из машины, что нужно бежать. Брать Митю за руку и путь Алекс ищет нас как ветер в поле. Что-то, а бегать мы умеем.

– Не рыпайся, его заберут не раньше, чем через неделю, а если будешь дергаться, отвезу в город и выкину. Хрен ты его потом найдешь, – угрожает Алекс, выходя из машины и разминая поясницу от долгой езды. А я держу Митю за руку и не смотря на злость от слов придурка, невольно люблюсь тем, как пиджак натягивается на тугих мышцах рук. Тем, как рубашка тянется на мышцах живота. Плоского и рельефного, судя по белой, тонкой ткани.

И я все смотрю и смотрю, не могу оторвать взгляд, пока Митя не отвлекает меня, отнимая ладонь, что я сжимала.

– Эй! Ты мне чуть руку не сломала! – орет он и фыркнув, идет в сторону Алекса, который уже у калитки. Наверное, не одну меня к нему тянет, раз брат так уверенно приближается к незнакомцу.

Опускаю взгляд на трясущуюся ладонь. Скорее всего, вместо руки брата я думала о том, какого это прикоснуться к твердой, крупной ладони мужчины. Вспоминания о том, как уверена эта рука держала руль, будоражат фантазию. Остается только гадать, что еще эти руки делают так уверенно.

– Саша, – зовет меня Митя, и тут я замечаю напряженное состояние Алекса.

В чем дело?

Он толкает дверь в воротах, хотя судя по всему она должна быть заперта на ключ. Потом делает шаг вперед и поворачивает на нас голову. И я прямо вижу, как дрожь предвкушения от будущей игры пробирает Митьку. Он обожает играть в шпионов, пиратов, инопланетян. Он так отвлекается от реальности, которая не сильно его балует.

– Это террористы и мы должны их обезвредить? – предполагает он и я фыркаю.

– Тебе бы только кого-нибудь обезвреживать. Может ты просто забыл закрыть дверь? – спрашиваю Алекса.

– Это не про меня, – говорит он уверенно и достает пистолет.

И вот эта самая дрожь теперь достигает и меня. Просто от того как смотрится оружие в большой руке с идеальными пальцами и чистыми квадратными ногтями.

Это тебе не по телевизору на Стетхема смотреть. Здесь можно прямо вживую слюной подавиться. Интересно, если попросить Алекса снять рубашку, ну... чтобы не замаралась, он ничего такого про меня не подумает?

– Так, стойте здесь, не двигайтесь. Водить можешь? – спрашивает меня о чем-то Алекс, а я только вижу, как он шевелит губами.

Могу, для тебя я все могу.

– Саша!

– А, что? Водить? Только если хороводы...

– Очень смешно. Встали быстро, к воротам, и без шума, – говорит он и снимая пистолет с предохранителя заходит внутрь.

Мы с Митькой прыскаем от смеха, или это просто истерика от страха.

– Как ты думаешь, там могут быть Монголоиды?

– Кто? – хлопаю глазами.

– Ну, инопланетяне? Они заберут нас для опытов, сделают меня солдатом звездного десанта, тебя рабыней, – прекрасно. – И ты будешь рожать маленьких зеленых человечков...

Недовольно поджимаю губы, смотря с укором в наивные голубые глаза этого фантазера.

– Тебе надо меньше читать книжки, – прохожу вперед, оставляя мальчика за спиной и заглядываю в проем в воротах. Вижу, как Алекс медленно двигается ко входу в дом, где дверь тоже на растопашку.

И меня пробирает страх, что там действительно может кто-то притаиться и убить Алекса. Учитывая, что он знал отца, то тоже может быть связан с криминалом. Ведь дом подожгли тогда, потому что устали покушаться на его жизнь. Мы тогда спаслись чудом. Нас, матерясь, кто-то вытащил, и у меня до сих пор перед глазами сцена, как мама в горящей ночной сорочке с криком падает со второго этажа.

Я хотела побежать к ней, но нас затолкали в машину и тут же увезли.

Эти воспоминания делают меня почти безумной, и я уже хочу рвануть отсюда, но Алекс кричит:

– Ну ты и дрянь! Позвонить не могла? Саша, Митя! Идите сюда!

– Не поняла, – доносится из дома женский немного визгливый голос. И на пороге появляется миниатюрная, темноволосая женщина в бордовом платье. И я с первого взгляда понимаю. Она мне не друг. – Кто это такие, Алекс?

– Дети Самойловых...

– Что? – ошарашено пятится Лариса, словно увидела приведение. – Но они-то...

– Сгорели...

– Да, да. Точно. Сгорели, – пытается она улыбаться, но от нее веет холодом, и мы с Митькой жмемся к друг другу. – И ты, что, хочешь, чтобы они жили здесь?

– Пока поживут у меня, – говорит он и проходит в дом. Она за ним, и мы, чтобы слышать скандал, который назревает, судя по поджатым губам.

– Но тогда мы не сможем...

– Хорошо, что это мой дом, Лариса. И мне решать кому здесь жить, а кто лишний.

– Это я-то лишняя? Да так и скажи, что хочешь поиметь девчонку! Ей хоть восемнадцать есть.

Что?!

– Есть, – вдруг рявкает он, так что я подпрыгиваю. Потом Алекс хватает женщину за шею. Что сказать, мне ее совсем не жалко. Какое она вообще имеет право говорить про меня так? Без уважения! – И в свои восемнадцать она свежее, чем ты была в пятнадцать.

– А кто в этом виноват?! Убери их из дома! Или ноги моей здесь не будет!

– Знаешь, что больше всего я не люблю? – шипит он ей в лицо, а она бледнеет. – Когда мне ставят ультиматумы. Пошла вон.

– Алекс... Да как ты можешь?

– Могу, в отличие от твоего мужа, нас с тобой ничего не связывает.

Она еще и замужем. И почему я не удивлена?

– Алекс, – меняется она в лице и даже не стесняясь нас хватает его причинное место. Закрываю глаза Мите рукой, но это и не требуется. Алекс грубо отталкивает Ларису и уже ревет медведем.

– Пошла! Вон!

Лариса, или как там ее, гордо вскидывает подбородок и чеканит шаг, не забыв толкнуть при этом меня плечом. Как мне надо относиться к тому, что она посчитала меня соперницей? Да еще и с первого взгляда. И могу ли я быть такой, как она соперницей. Может ли такой как Алекс посмотреть на меня как на объект желания?

– Это правда? Про «поймать девчонку».

– Я не в том настроении, чтобы отвечать на дебильные вопросы малолетки. Комнаты наверху, я в кабинете. Все, – разворачивается он и уже хочет уйти, но оборачивается снова. Теперь идет напрямиком ко мне. Так стремительно. Так близко, что сердце заходится от бешеной скачки. И я уже вся подбираюсь, словно готовая отразить атаку, как он просто поднимает руку над моей головой, так что я почти носом дышу его дурманящим парфюмом. И почти теряюсь в этом запахе, представляя, как вот такое огромное тело будет надо мной нависать. Но фантазии завершаются по звонку сигнализации.

– Теперь, если сунетесь за дверь, я услышу. Понятно? – опускает он голову и наши взгляды скрещиваются. Боже, какой он шикарный. Особенно вблизи... – Саша? Тебе понятно?

– Конечно...

– Что?

– Говорю: конечно понятно! Я вообще не имею проблем со слухом.

– Хорошо бы и с мозгом проблем не было, – говорит он, кивает Мите и уходит, закрыв за собой двери кабинета.

– Что будем делать?

Смотрю на Митю, потом осматриваю богатое убранство дома и почти задыхаюсь запахами роскоши. Брат уже не помнит всего этого, а я порой была готова умереть во сне, когда мне снился наш дом, с изогнутой лестницей, лепниной в гостиной и огромной, сверкающей люстрой.

– Для начала помоемся как люди. И даже выпьем без криков и криков «подъем». А потом надо бежать...

– Да, погоди ты с побегом. Этот Алекс сам сказал, что не завтра меня хотят забрать. Может быть за неделю мы станем настолько незаменимы, что он сам захочет нас здесь оставить...

– Он взял тебя на передержку, – говорю жестко. – Так что вряд ли его получится уговорить... Хоть на что-то...

И почему под «что-то» я думаю о совершенно неприличных вещах.

– Нужно бежать, – решительно заявляю я, но...

– Но сначала усыпим его внимание и соберем необходимую провизию.

Это хороший план, и мы в приподнятом настроении поднимаемся наверх.

И после процедур в ванной, что больше общей душевой в детском доме, я надеваю свою пижаму с песиками и замечаю, что Митя уже спит.

Вот только у меня сна ни в одном глазу, зато в сознании пусто. И неверное дальнейшие действия глупость, но я все равно иду в сторону двери и на выход. По коридору. Вниз по лестнице. Туда, где горит свет под дверью...

И только постучаться я долго не решаюсь.

Как ему объяснить свое решение прийти сюда? Если я сама не знаю.

Собираю всю силу воли, поднимаю руку и в то же время дверь открывается, а на меня почти сваливается огромная туша Алекса. Но он успевает одуматься и взять тело под контроль.

– Что ты здесь делаешь, девочка?

Что я здесь делаю?

Если бы мне кто дал вразумительный ответ на этот вопрос.

Стою – самый простой. Смотрю на припорошенную волосами мускулистую грудь – уже сложнее. Фантазирую о том, как буду пальцами касаться их, инспектируя на мягкость – совсем за гранью.

Поднимаю голову выше, по обонянию бьет запах алкоголя. Такой терпкий, смешанный с табаком и одеколоном. Я пытаюсь найти в себе отвращение, ведь я ненавижу запах виски, которым порой был пропитан отец, но сейчас я ощущаю лишь желание вдохнуть его сильнее. Задохнуться.

– Саша, – как-то хрипло говорит Алекс, убирает прядку волос с лица. – Негоже маленьким девочкам разгуливать в таком виде рядом с большими дядями. Это может обернуться не слишком приятными последствиями.

Его рука ползет ниже, к щеке, шее, пальцы скользят, оставляя эфирный след, касаются тонкой бретельки маечки, под которой ничего нет. И сейчас я ощущаю это острее всего. Еще хлеще желание совсем ее откинуть и показать Алексу, что последствия могут быть очень приятными.

– А если я пришла специально? А если я хочу этих последствий?

На самом деле ты не хочешь, Саша.

Ты и мальчишек избегала, потому что боялась всегда этого самого секса.

У тебя в голове до сих пор стоят воспоминания о криках, которые доносились из спальни родителей по ночам. Такие, словно маму резали. А меньше всего ты хочешь испытывать боль. А сейчас ты просто играешься, смотришь за реакцией того, кто впервые за твои восемнадцать лет тебя действительно привлек. И думаешь, сможешь ли переступить через свои страхи и поддаться тому огню, который плещется на дне пьяных темных глаз.

– Куколка, – произносит он сдавленно и, удержавшись за косяк, наклоняет лицо. – Хочется вкусить взрослой жизни? Все вы такие любопытные. А потом требовательные. А потом становитесь суками, которые могут разрушить много чужих жизней. Я бы не хотел, чтобы ты стала такой. А удовлетворив свой мимолетный порыв, я сделаю тебя сукой...

Его речь странная, пугающая и не вызывает никаких приятных ощущений. Это заставляет попятиться от того, как пальцы почти коснулись груди.

– Правильно, малышка. Беги ка ты спать.

Так и делаю, стремительно развернувшись, шлепаю в комнату, где на большой кровати спит Митька. Укладываюсь рядом, подложив ладонь под голову, и размышляю.

Разбираю по косточкам слова Алекса, который, по его же словам, знал родителей. Но я была так поглощена собственными незнакомыми чувствами, что совершенно забыла спросить об этом. И все, что я узнала, что могу вызвать ответное желание.

И что мужчине стоило огромных усилий его сдерживать.

Даже не так, скорее всего мой шаг назад его остановил.

И это странно... Девочки в приюте болтали, что когда мужик или парень, в общем тот, у кого стоит писюн, пьян, то он не церемонится и спокойно может изнасиловать.

Хочу ли я, чтобы меня изнасиловал Алекс?

Нет. Такой фантазии у меня нет. А вот сделать его своим рабом, чтобы он перестал даже думать о том, чтобы куда-то там отвести Митю, прекрасное дело.

Потому что нет никаких гарантий, что после побега мы когда-нибудь будем жить в таком шикарном доме. После комнатки три на три забитой кроватями и запахами нечистого белья, это место кажется почти раем.

Это подтверждается с утра, когда нас кормят разогретыми сырниками с высоким содержанием творога со стущёнкой. Настоящей, а не напичканной неизвестно чем. Потом показывают крытый бассейн, потом зал с огромным телеком.

Мы с Митей только и ходим с открытыми ртами, а потом с такими же открытыми ртами провожаем Алекса. Он собирается по делам и смотрит на меня очень строго, очевидно забыл, какими взглядом вчера обшаривал мое тело. Потом подходит так близко, что я застываю, не зная куда себя деть.

– Я найду тебя где угодно, понимаешь? И посажу просто за непослушание. И твоя нежная кожа за решеткой превратится в наждачку, а шелковистые волосы в паклю. И ты больше никогда не сможешь привлечь мужское внимание, не раздвинув при этом ноги. Понимаешь?

Каждое слово как гвоздь, забитый в крылья, которые я придумала нам с Митей. Мечтала, что стоит скрыться, и нас никто никогда не найдет.

– Будешь послушной девочкой, я обеспечу тебе вполне достойное существование. Но про брата забудь...

Он уходит, а я кривлю лицо. «Забудь про брата». Ага. Размечтался. Я могу быть доброй и послушной. До поры, до времени.

У нас с Митей есть неделя, чтобы придумать, как отсюда слинять и не напороться на страшное наказание Алекса.

А пока...

– Саша! Смотри сколько игр!

Я с улыбкой несусь играть с Митькой в приставку, потом делаю заплыв в бассейне подумав, что нижнее белье вполне сойдет за купальник. Пока рассекаю воду неуклюжими движениями периодически поглядывая на пейзаж за окном. Значит он считает мою кожу нежной, а волосы шелковистыми. Вроде и угрожал, а вроде и комплимент сделал. Приятно, черт возьми. Обычно все что говорили мне парни, что я сочная и если буду умной, пойду далеко. И конечно предлагали первые пути продвижения через свою ширинку.

За запотевшим стеклом льет дождь делаю пространство серым. За течением мысли не сразу замечаю за окном силуэт.

Сначала хочу закричать от страха, но черты мужской фигуры становятся отчетливее, и я удивленно открываю рот.

Он сказал, что найдёт нас и нашел. Вот так просто. Меньше суток прошло.

А значит сейчас он ответит на все мои вопросы.

Подробно!

Вылезаю из бассейна, заворачиваюсь в полотенце, еще не хватало, чтобы он видел меня в нижнем белье. Затем иду открывать дверь в сад так, словно нахожусь в доме не первые сутки, а целую вечность. И вообще хозяйка.

– Знаешь... – требовательно начинаю я...

– Сначала пожрать дай, потом все вопросы, – говорит этот наглец, делает лужу при помощи ботинок и своих волос.

– Сначала иди в душ, – морщусь. – Нечего здесь грязь разводить.

Глава 5

– Ты полотенце принесешь? Или мне голым выходить?!

Голос Мирона из ванной на первом этаже оглушает и я дергаюсь. Из-за чего продуваю в элементарную битву первого уровня. Раздражённо кричу:

– У тебя есть одежда!

– Она вся мокрая, а теперь в стирке! Я выхожу! Знал, что ты хочешь увидеть мой штуцер, – орет он в ответ, а я вместо того, чтобы просто принести прикурку полотенце, иду разбираться. С ним. С его штуцером. И только заворачиваю за угол, как Мирон действительно голышом идет прямо ко мне...

Я резко отворачиваюсь, сажусь на корточки и закрываю ладонями лицо.

– Мирон! Эксгибиционист ты хренов! Прикрой свою сардельку!

– Рад, что ты оценила. Полотенце где?

– Поднимись вверх, спальня справа и возьми, что хочешь. Только не приближайся! Я чувствую, как на меня капает твоя вода...

– Главное не брызжет, – ржет он и шлепает вверх, а я выдыхаю, часто дышу. Не могу я понять, почему эта штука вызывает такую панику.

Я ведь видела и на картинках и даже девчонки показывали на телефоне, где они его взяли, мне думать не хотелось. Но судя по разговору и восхвалению вен и волосатых теннисных шариков, во вполне определенном месте.

Еще минуту дышу, потом поднимаюсь и иду на кухню чего-нибудь перекусить. Или хотя бы выпить воды.

– Это просто член, – слышу голос Мирона и резко оборачиваюсь со стаканом, который выливается прямо ему на голый торс.

– Я уже чистый!

– Прекрати при мне называть эти слова! Тем более здесь ребенок!

– Член, – делает он шаг, а потом на второй. – Пенис...

– Стой, – вытягиваю я руки.

Да, да, я видела, как ты на меня смотришь и пусть без лохмотьев ты выглядишь почти нормально, это не значит, что твои гениталии могут меня заинтересовать.

– Хочешь есть? Пельмени?

– О, конечно... – сразу меняется его лицо, а замечаю острые скулы, которые он скрывал за волосами.

– Тогда заткнись, понял? – ору я, и указываю на стул за обеденным столом. Достая из холодильника сваренные пельмени и разогреваю в микроволновке.

– Смотрю, ты уже освоилась? – усмехается он и налетает на только что поставленную тарелку. Вторую я ставлю себе и принимаюсь обедать. – Ведешь себя как настоящая сучка богатого хахала.

– Договор был заткнуться, и мы здесь всего на неделю, не придумывай, – рявкаю я и сама сую ему пельмень в рот.

Он с усмешкой прожевывает, хочет наколоть следующий, но тут поднимает взгляд.

И мне он не нравится. Мне не нравится, что Мирон сидит рядом, что издевается надо мной, даже сетка вен на его руках не нравится.

Остается только думать, что торс у Алекса гораздо красивее. И лицо. И вообще Алекс пусть и скотина, но очень богатая, и я все же постараюсь с ним договориться.

– Он уже теребил твою...? – кивает Мирон головой на пельмени, которые он уплетает с армейской скоростью. Только вот я намеков не понимаю.

– Теребил что?

– Ну... Это самое... Пельмешку, – говорит он и засовывает пельмень за щеку и двигает. И меня осеняет так резко, что голова кружится, а к горлу подступает тошнота.

– Ты больной! – вскакиваю я. – Как тебе вообще в голову пришло думать о том, что я хочу... Этого...

– А, ну да... ну, да – усмехается он, вытирая рот рукавом. Затем встает из-за стола и медленно приближается. Ну это слишком. – Невинная Шура, которой никто не смог предложить такого подарочка, чтобы она свои ножки раздвинула... Или может... Предлагали не то?

– А может это ты бесишься, что тебе предложить нечего?

– А ты не задавалась вопросом, почему я кинул камень рядом именно с этой машиной?

– Задавалась, – пячусь, обхожу стол и сощуриваю глаза. – Ты как раз обещал мне все рассказать! Но точно не обещал помогать.

– Вот еще. Да видел я эту тачку. Слышал пару разговоров.

– Ха, – хмыкаю – Значит дело не в твоей прославленной интуиции. А в мозгах.

– Я-то их включаю, а теперь пора включить тебе и подумать, чем ты можешь привлечь такого мужика, как этот. Чтобы и брат с тобой остался, и ты не стала жить как бичерстоун. Смекаешь?

Его намеки наводят только на один не слишком утешительный вывод.

– Ты что? Предлагаешь мне соблазнить его? Стать шлюхой?!

– Ой, – всплескивает руками Мирон и направляется к выходу. – Он приличный, симпатичный мужик, я более чем уверен, твое сердечко рядом с ним буквально рвется из груди. Жени его на себе и нормальная жизнь тебе обеспечена.

Такое мне даже в голову не приходило...

– А потом, – иду за ним. – Придешь ты требовать оплаты за свои советы?

– Даже не сомневайся. Приду. Ради такой-то пельмешки, – задевает он мою коленку, усаживаясь рядом с Митей, который уснул прямо за игрой. И вместо того, чтобы треснуть придурка, я просто убегаю наверх. «Жени на себе». Надо же. Это...

Мысли рвутся молекулами в разные стороны, собираются в единый образ того, как Алекс поднимает с моего лица фату, а потом укладывает в кровать.

Щеки тут же загораются пламенем, и я прикладываю к ним ладони.

«Жени его на себе».

А может мне не хочется именно женить. Может быть мне хочется, чтобы меня полюбили. По-настоящему. Чтобы этот взрослый Алекс сам валялся у меня в ногах.

Жени... И вот как это сделать? Что нужно сделать, чтобы взрослый мужчина посмотрел на тебя как на матримониальный объект, да еще за такой короткий срок?

С этими вопросами и укладываюсь в постель и открываю глаза, когда по нему пробегает свет от фар. За окном уже темно, а к дому подъехала машина. Они ведь могли уже забрать Митю!

С этой мыслью бегу вниз и вижу, что Митя сам греет пельмени. Он тоже спал, так что почти не глядя машет рукой. Сонный. Взъерошенный.

– А где Мирон? – спрашиваю, осматривая пустое пространство дома, а затем открывается дверь, и входит Алекс.

– Ушел уже, – говорит Митя, но я уже бегу к Алексу.

– Привет. Кушать хочешь? – спрашиваю, разглаживая волосы.

– А ты готовить умеешь? – усмехается он, бросая ключи и барсетку, рассматривает меня с ног до головы. Идет мыть руки, а я за ним.

И вспоминая любовь наших детдомовских парней к еде, слова Мирона, собственные чувства, я улыбаюсь и киваю.

– А я научусь. Я всему научусь, Алекс.

Глава 6

– Вам нравится? – спрашиваю с трепетом на третий день нашего в доме пребывания. Алекс пробует мою лазанью, рецепт которой я высмотрела в интернете. Там писали, что мужчина после этого точно будет твоим. И я решила, что способ завоевать любовь через желудок подходит мне больше, чем раздвигать ноги, как советовал Мирон. Где бы он сейчас не тусил.

Алекс проглатывает кусок, тогда как Митя уже умял все и вышел. Потом поворачивает голову и с натяжкой улыбается.

– Сашка, мне кажется, готовка это не твое.

– Как это не мое?! – тут же причитаю и сама хватаю вилку. – Митя же съел, и слова не сказала.

Но стоило запеканке из листов теста и фарша с соусом болоньезе коснуться языка, как наворачиваются слезы. Радует только, что Алекс упорно пробует все, что я готовила эти три дня. И каждый раз после первого куска улыбается и срочно удаляется в кабинет по делам.

– Ничего, – убираю я тарелку и хочу принести вафли. – Я ведь только начала. Немного переборщила с солью. Наверное, надо было маленькую ложку, а не столовую.

– Надо было, – слышу за спиной шаги и замираю, а потом чувствую на плечах большие ладони. По коже тут же топчутся мурашки, а в груди разливается тепло. Он хочет прижать меня к себе? Или он хочет поцеловать меня? А может он сейчас скажет, что я настолько старательна, что он оставляет нас у себя. Ведь мы не мешаем, мы прибираемся, даже ничего еще не сломали.

Алекс целует мою макушку и с доброй ноткой произносит:

– Не надо ничего, я все равно ухожу на деловую встречу. А ты, если хочешь, возьми мой ноутбук и закажи себе и Митьке одежды. Чего ты ходишь в одном и том же.

– Одежды? – внутри рождается восторг и острое предвкушение. Одежда. Как давно я не носила красивых вещей. – Что именно?

– Что хочешь. Такая красивая девочка должна ходить в красивой одежде. Не мучай свои ручки готовкой.

– Но ты же любишь вкусную еду?

– Очень... Но свой желудок я люблю больше. А потом покажешь, что купила. Хорошо?

– Обязательно... – говорю, быстро стираю слезу обиды, а потом хочу повернуться, но замечаю, что Алекс пошел не в сторону гаража, а в сторону своей спальни. Зачем? Переодеться? Это показалось подозрительным, но я все равно спрашиваю, что давно хотела спросить. – Алекс...

– Что?

– Вы знали наших родителей. Они ведь были богатыми. Почему я не могу воспользоваться своим наследством? У меня же... – его лицо из спокойного становится напряженным. – У нас же есть наследство? Хоть что-то должно было остаться?

– Саша...

– Ответь, это простой вопрос.

– Не такой уж простой, учитывая, что твой отец был одним из воров в законе. После их смерти, если не остается живых родственников, деньги забирает общак.

– То есть мне просто нужно пойти и забрать их...

– Твой отец оставил вам с братом по квартире... Твоя тебя ждет...

– А квартира брата отойдет его новым родителям, которым вы собираетесь его отдать?! – сразу срываюсь я на крик, сжимая кулаки. – Если у меня есть квартира! Почему он не может остаться со мной?!

– Потому что ему девять, а у тебя вся жизнь впереди. А если ты станешь молодой мамой, то об образовании, работе, личной жизни можно забыть. Ты до сих пор не поняла этого!?! – не орет, но голос повышает, от чего становится жутко, но я все равно продолжаю давить.

– А мне не нужно это будущее, личная жизнь, если рядом не будет Мити! Мы никогда не разлучались! Почему вы не можете этого понять?!

– Если бы даже я мог пойти тебе на уступку не отдавать Митю, то через год ты бы его возненавидела, потому что тебе бы даже потрахаться с парнем негде было!

– Да не хочу я трахаться! Мне это неинтересно!

– Это ты сейчас так думаешь, потому что девчонка еще совсем. Поверь, ради секса порой люди готовы на самые страшные поступки. Даже хлеще, чем ради денег. И хуже будет, если из-за твоих отношений или того, что ты задержишься с подружками на вечеринке, пострадает брат. Как ты потом жить сможешь?

И пусть в его словах есть доля рационального зерна. Только доля! Я все равно не могу поверить, что где-то Мите будет лучше, чем со мной!

– А как я смогу жить, если буду знать, что он не счастлив. С чужими людьми?!

– Он будет счастлив. В отличие от тебя, он не запомнит детство полное лишений... И я должен ему это обеспечить. Даже если придется переступить через тебя.

Я резко отворачиваюсь и даже смотреть не могу на этого ужасного человека. А он даже успокоить меня не пытается. Как и собирался, поднимается на второй этаж. Я иду мыть посуду, со злости разбив тарелку, а затем включаю телевизор. Бессмысленно переключаю каналы, словно это может мне помочь решить дилемму того, прав Алекс или не прав. Не прав, конечно. Всем известно, что братьям и сестрам лучше не разлучаться.

Да и если есть квартира... Но потом я вспоминаю свое желание купить новой одежды, свое желание быть красивой, быть любимой. Не братом, а настоящим мужчиной. Таким, который одним взмахом руки решит любые проблемы. Именно таким казался мне отец. Властным, порой злым, но надёжным как скала. Однажды я пожаловалась на пацана, который дергал меня за косы в школе. Так он пришел и стал дергать за косы его. И ничего, что кос там и в помине не было.

– Одежду-то будешь заказывать? – слышу голос, но голову не поворачиваю и бурчу обиженно:

– Буду.

Ну а что? Я должна лишать себя и брата красивых вещей? Это ничего не изменит.

– Покажешь...? – спрашивает он, все приближаясь. Но тут замирает и, разворачиваясь, уходит, даже не закончив фразу.

Я разворачиваюсь и теперь замечаю, что путь Алекса лежит не в сторону гаража, а к бассейну, где есть выход в сад. И что у нас в саду? Дела? И для них обязательно нужно было брызгаться одеколоном так, что запах бьет по носу?

Я быстро бегу посмотреть, чем занят Митя. Поняв, что ближайшие минуты он будет занят купленным Алексом легио с мелкими деталями, я хватаю кофту. Но в спину слышу довольно мудрое:

– Не стоит идти туда, если ты не готова к тому, что узнаешь...

– Ты что-то знаешь?

– Слышал, с кем он разговаривал, – пожимает Митька плечами и кивает на выход. – Но я ведь могу и ошибаться. Я же ребенок.

– Умный не по годам.

– Как говорит Мирон: либо ты, либо тебя.

Я поджимаю губы при упоминании этого сутенера и бегу, как и собиралась за Алексом.

Глава 7

Алекс

Что-то в ней есть.

Дело даже не в яркой внешности, об опасности которой Шура даже не подозревает. И даже не в теле, изгибы которого не могут оставить равнодушным.

Тут скорее взгляд. Он словно предупреждает, что за маской ангела скрывается настоящий демон-суккуб. Готовый не просто соблазнить, а поработать. Влюблять и оставлять в ней душу без остатка.

А может все дело в том, что когда-то такой взгляд был у Ларисы, в дом который я сегодня пробрался удовлетворить свои изменные инстинкты.

Очень жаль, что теперь свою сущность эта женщина не скрывает. И начала пользоваться благами своей внешности гораздо раньше, чем Шура начала задумываться об этом.

– Тебе нравится мое новое белье? Я его к твоему приезду заказала, – скользит она намякюреными пальцами по напряженным бедрам, повернув голову из-за плеча.

– Нравится, – отстранённо рассматриваю Ларису. Ее изогнутую спину, густые темные волосы.

Чтобы соблазнить мужика, она никогда не пыталась использовать его желудок. Она неплохо управляет с другими частями тела. Не хочется, чтобы Сашка становилась такой. Еще в детдоме я дал строгий наказ держать ее в максимальной изоляции от противоположного пола.

«Не берег ли ты эту крошку для себя?», – думаю про себя, но мысль отметаю.

Такому, как я негоже быть счастливым. Такому как я, подходит вот эта извивающаяся шлюшка, умело елозившая по еле приподнятому члену.

Она давно не возбуждает так, как в юности, когда она была подружкой трех мушкетёров. Так мы с друзьями называли себя в школе и позже в институте.

Один из них стал ее мужем. Я любовником. Третий врагом. Иногда хочется спросить Ларису, неужели ты не чувствуешь, что мы когда-то свернули не туда.

Становится тошно, но месячное воздержание после командировки дает о себе знать, а мысли о глазах Сашки, излучающих гнев, только добавляют пожара в яйца.

Спустить пар и пойти домой. Ощутить прелесть того, что в доме живет не тишина, а что-то светлоокое и чистое.

Юное создание, которое смотрит на меня как на бога.

И чтобы не развенчать себя в ее глазах так скоро, я собираюсь удовлетворить ненасытную суку. Тем самым дам Шурке шанс еще немного побыть невинной.

Рву трусы под визгливый крик, а следом толкаю Ларису на колени, чтобы сразу снять свои штаны и вставить.

Если когда-то мне хотелось проявить толику нежности, то эти времена давно прошли. А Ларисе никогда эта нежность была и не нужна. Чем жестче, тем лучше. В какой-то момент она к этому пристрастила и меня.

К возможности не сдерживаться, не притворяться человеком, а быть настоящим животным, которое всегда во мне сидело.

Вставляю член на полную длину, чувствуя, как горячая женская плоть облегает со всех сторон. Закрываю глаза, тяну Ларису за волосы и абстрагируюсь от ее криков, которых она не стесняется в доме, где выросла ее дочь. Где растет ее сын. И путь никого из них сейчас нет. И

пусть в дом можно пробраться только из моего сада, все равно противно от ее визга и того, как она кайфует от секса без элементарных прелюдий и поцелуев.

Так же тошно, как от этого кайфую я. Потому что не заслужил в этой жизни ни ласки, ни любви. Особенно такой светлой девочки, как Саша, которая ценой собственного счастья готова защищать брата.

А кого готова защищать Лариса, кроме самой себя? Никого.

Но мы с ней одного поля ягоды. Бездушные ублюдки без совести и морали. И единственная попытка ее восстановить – это помочь детям тех, чью жизнь мы с Ларисой погубили. Страшно подумать, скольким таким я должен помочь.

Но выбрал детей, которые смогли сами выбраться из горящего дома. Смогли сами выжить, несмотря ни на что, и остаться людьми.

От мыслей о пожаре, ревущих детях, настрой теряется, но Лариса знает, как его поднять. Она мастер. Разворачивается, встает задницей кверху, пальцами теребя растрханную ма*ду и насаживается плотными кольцом губ на член, принимаясь яростно сосать.

Часто двигает головой, пытаюсь поднять уставшего бойца.

И только ей это удается, она толкает меня на диван и с жадным оскалом залезает сверху.

– Твой член лучшее, что было во мне. Самый большой, самый толстый... – соблазняет она, трясёт силиконовой грудью, сосок которой я сжимаю до визга, чувствуя, что даже суперотсос не поможет мне кончить.

Но одна лишь мысль, мелькнувшая как лучик света во кромешной тьме, меняет все.

А какая на ощупь грудь Сашки?

Маленькие яблочки с розовыми сосочками, которые, наверняка, захочется целовать и вылизывать, пока девочка мягко не застонет, обнимая меня нежными руками.

– Ох, су-ука... – выдыхаю со стоном.

Открывается второе дыхание и Лариса с криком: Да, еще! Е*и меня как шлюху! насаживается чаще. Моя рука с силой сжимает прокаченный фитнесом зад и я принимаюсь долбить влажную дыру.

Раз, другой, третий. Чаще! Жестче! Быстрее! И так несколько минут, пока голова не начинает кружиться, а она не хватает меня за волосы. Стыскивая ствол внутренними тренированными мышцами сильнее, а я не заливаю ее гнилое нутро своей пустой спермой.

– Неужели эта девочка на тебя так повлияла? – слышу хриплый в ухо голос и продолжением она лишает себя возможности дышать. – Мы могли бы взять ее третьей. Она бы мне вылизывала, пока ты жаришь ее маленькую попку... Хочешь?

Пальцы сжимаются на женском горле, пока лицо твари не синеет. И лишь нежелание снова жить в дороге мешает мне убить ее.

– Еще раз услышу от тебя подобную херь, ты сдохнешь в притоне, пока тебя будут трахать банда кавказцев. Хочешь на такую карусель?!

– Зацепила же она тебя, – смеется сука, кажется, даже не испугавшаяся моих угроз. Отбрасываю ее в сторону и поднимаюсь с дивана. Руки дрожат от желания убивать!

И по злой иронии судьбы вижу широкие глаза Сашки через стекло двери в сад, которая тут же разворачивается и убегает.

Блять!

Глава 8

Сашка

Мирон был прав. Такому мужчине, как Алекс, не нужна домохозяйка, ему нужна любовница. Доказательство этого я наблюдаю прямо сейчас, когда его член последний раз входит в дырку этой черноволосой стервы. Но я не хочу делать это как они, потому что именно таким сексом занимались в приюте. Быстрым, животным, без чувств. Но самое отвратительное даже не это. А то, какие увлечения есть у Алекса. Он берет женщину за шею, что-то шипит. И вместе того, чтобы закричать от страха, она смеется.

Это вообще нормально? Смеяться от боли?

Тут он ее толкает, поднимается во весь свой рост и замечает меня. Его отросток вяло висит, хотя секунду назад казался огромным. Но самое страшное его глаза, в них нет и капли доброты, как и приличия во всей этой ситуации.

Я разворачиваюсь и стремглав мчусь через чужой ухоженный сад, петляю среди светящихся искусственным светом кустов, перепрыгиваю через мощенные дорожки. И я знаю, что Алекс бежит за мной, что скорее всего остановит меня и все объяснит. Но я не хочу слушать. Я хочу забрать Митю и убежать от этого странного человека. От его странных интересов в сексе. Потому что я так не смогу. Я точно не хочу смеяться, пока он меня душит и трахает.

Забежав в проход, который ведет в сад Алекса, я почти добираюсь до двери в бассейн, но вдруг обо что-то запинаясь и падаю. Хочу подняться, но натыкаюсь на что-то влажное и горячее и слышу тихое:

– Сашка...

– Мирон, – шиплю я, не встаю и пытаюсь рассмотреть однакашника по приюту. Он лежит и на белой футболке темнеет пятно. Такое же расплзается по моей руке. – Что случилось?

– Не спрашивай, просто помоги... Не говори своему... Сашка...

Я тут же подрываюсь, наказываю:

– Лежи здесь.

– Саша! – зовет меня Алекс, и, кажется, я на миг даже забыла увиденное. Алекса. Его женщину. Их совокупление. Все сознание занял Мирон с его раной, и мне нужно срочно ему помочь.

Аптечка, мне нужна аптечка. И я помню, что видела ее в ванной. Бегу туда, на второй этаж, даже не заметив, как проскакала по лестнице, и запираюсь в ванной. Быстро смываю с рук кровь, и уже хочу достать аптечку, как дверь с треском открывается. Мой крик от испуга тут же заменяют губами, твердыми и холодными. И я от шока даже говорить не могу. Наверное, потому что меньше всего я мечтала, чтобы мой поцелуй был таким. На адреналине. Я вяло отвечаю, скашивая взгляд на незакрытый шкаф, где мелькает аптечка.

– Сашка, Сашка. То, что ты видела, ненастоящее, – шепчет Алекс, прервав поцелуй и обнимая меня руками. Я слышу, как часто бьется сердце, хочу прочувствовать этот момент единения как можно лучше. Но голова занята Мироном, которому плохо.

– Я понимаю...

– Правда? Ты, наверное, испугалась, моя хорошая? – говорит Алекс, и я поджимаю губы, боже, какие приятные слова, но почему мне тошно их слышать.

– Испугалась, Алекс. Вот и забежала сюда. Мне надо побыть одной. Ты не против?

– Нет, нет. Конечно. Только дверь не запирай. Ты не должна ничего с собой сделать.

Вот еще. Заняться мне что ли нечем?

– Конечно, Алекс, – улыбаюсь как можно мягче, рукой провожу по бритой щеке. – Я просто умоюсь, жди меня в кабинете. Я принесу нам кофе. Мой кофе ты же сможешь выдержать.

– Все что угодно...

Он уходит, а я пошатываюсь от волны его эмоций. И почему я думала, что не нравлюсь ему? Я выглядываю за дверь и, убедившись, что Алекс скрылся в ванной, хватаю аптечку и бегу в сад.

– Тебя только за смертью посылать, – слышу хрип в темноте и беру в рот фонарик, который оказался в аптечке. Свечу Мирону в глаза и тот закрывает их рукой.

Я рассматриваю пятно на футболке и сразу берусь за концы, чтобы ее снять.

– Полегче, мы еще плохо знаем друг друга, – шутит сквозь боль Мирон, но мой холодный взгляд остужает его пыл.

Нет, я не врач, и даже медсестрой стать никогда не планировала. Просто нормальной медицинской помощи у нас в приюте было не дожидаться и элементарные раны приходилось латать самим. Я как-то их избегала, а вот Митька нет.

На плоском животе Мирона виднеется рана и я предупредительно стреляю в Мирона взглядом и принимаюсь ее обрабатывать.

Он шипит, сквозь сжатые зубы, но терпит. Рана не глубокая, но шрам останется. Особенно, если нож, которым она нанесена был ржавым. Перекись, зеленка, ватный диск и широкий пластырь.

Выплюываю фонарик себе в руку и деловито спрашиваю:

– Еще есть порезы.

– Да, но там я сам.

– Мирон, если бы ты мог справиться сам, тебя бы здесь не было. Где?

– С другой стороны, только ниже, – говорит он и смотрит прямо мне в глаза. Я свои опускаю, осознавая о каком «ниже» идет речь. Но сейчас я врач, так что его пипирка меня не волнует.

Ясно?

– Кто-то хотел тебя кастрировать? – спрашиваю перед тем, как всунуть небольшой фонарик в рот и приняться за работу. Он расстегивает ремень на джинсах, а я невольно смотрю по сторонам. Не хотелось бы, чтобы Алекс меня увидел. Все-таки ситуация не из самых приличных.

– Они просто позавидовали моему размеру, – говорит сквозь шипение Мирон и я фыркаю. Ничего про его размер я не слышала. А слышала я много.

– Не лсти себе, у Алекса точно больше, – говорю, заклеивая тонкий порез пластырем.

– О, – поджимает губы Мирон. – Ты уже видела?

– Не твоя ли эта была идея?

– А ты всегда намерена меня слушать? Это может быть перспективно, – высказывается Мирон и тянет руку к моей груди, за что получает смачный шлепок. – Я ранен!

– Ты debil! И нет, я еще не спала с Алексом. Но предполагаю, что придется.

– А что так грустно? Он же тебе нравится...

– Мне не нравится, как он занимается этим самым сексом, – собираю я аптечку и уже встаю.

– На голове? – предполагает Мирон, но я качаю головой, еле различая его лицо в темноте. – Неужели в воздухе?

– Грубо, применяя насилие.

Мирон молчит и даже ничего не говорит, когда я просто развернувшись, ухожу. Но возвращаюсь с сыром, хлебом и своей запеканкой. Ничего, есть хочет и не такое съест.

Он еще здесь, даже не двинулся. Принимается за еду, о запеканке, не сказав ни слова. А вот об ситуации с Алексом высказывается.

– Это ты его с кем-то застала? Поэтому летела как ошпаренная? – киваю на его вопрос и он продолжает говорить с набитым ртом. – С тобой он не будет грубым.

– Это еще почему? Ты его мысли читаешь?

– Мужик не будет грубым с тем, к кому хорошо относится. А к тебе он относится хорошо. Саша-а-а, – передразнивает он крик Алекса и со смехом и моим издевательским ха-ха, отдает контейнер с едой, смяв все подчистую. – Ты ему нравишься. Тебе надо только дать понять, что ты согласна, а дальше он сделает все сам.

– И откуда ты взялся, такой умный? – злюсь я, поднимаясь вслед за ним и оказываюсь как обычно на пол головы ниже.

– Видел кое-что, а не сидел и не ждал, когда богатые родственники родителей приедут и заберут меня, – выплевывает он и долго смотрим мне в глаза, а мне становится неудобно перед ним. Кажется, что он своими советами помогает мне больше, чем я ему.

А, с другой стороны. Однажды, он потребует оплаты. И даже сейчас мне становится не по себе от того, что может попросить этот маугли.

– Подстригись, хоть на человека похожим станешь.

– Не хочу, пусть все знают, что я не такой, как все, – хмыкает Мирон и больше не сказав ни слова уходит. И я тоже просто разворачиваюсь и иду в сторону бассейна и дальше на второй этаж. В кабинет Алекса.

Но я понятия не имею, что ему говорить и как себя вести.

С Мироном как-то проще. Можно быть собой и не думать, что тебя скоро выгонят. Или изнасилуют...

К моей радости, или невезению, Алекс спит на своем столе. Я, медленно выдохнув, разворачиваюсь и уже хочу бежать в спальню к Мите. Чтобы не говорил Мирон, но раздвинув ноги я не смогу уберечь брата от усыновления. Да, если честно и ноги раздвигать мне не хочется. Так что нужно бежать. Прямо сейчас.

– Саша, – слышу за спиной бас и застываю статуей. Черт! Что ж тебе не спалось! – Зайди в кабинет, поговорим.

Глава 9

Поговорить с Алексом нам так и не удалось. Заорал Митька.

С ним такое бывает. Плохие сны, чаще всего связанные с пожаром.

Но стоит мне лечь рядом с ним, как все проходит, а дыхание восстанавливается.

Обратно в кабинет Алекса возвращаться я не намерена. Не хочу слышать объяснений или оправданий, хотя с чего бы ему оправдываться? А мне с чего обижаться? Нужно просто подумать, как сделать так, чтобы он больше к ней никогда не ходил. Подумать о том, чтобы повторить первый поцелуй, который не вызвал ничего, кроме раздражения. Потому что я была занята. А еще спросить себя, почему я даже не поинтересовалась у Мирона где он получил раны...

Следующие пару дней мои мысли были заняты вопросами о Мироне, а Алекс, словно испарился.

Появлялся поздно ночью и сразу ложился спать. За это время я успела заказать вещей себе и Мите, почитать книги в библиотеке Алекса и даже сделать пару селфи на фоне бассейна.

Не то, чтобы я любила фотографироваться, просто кто знает, когда я еще буду жить в таком доме.

После поцелуя и моего позорного побега к Мите, мое завоевания Алекса отложилось на неопределенный срок.

Или мне так показалось?

На утро субботы, после того как все с трудом, но съели приготовленный мною завтрак, Алекс вдруг не ушел. Обычно он сразу после завтрака уезжает, конечно не объясняя куда.

Он поднимается из-за стола, осматривает нас внимательным взглядом. Так долго, что мы с Митькой в недоумении переглядываемся.

– Что-то случилось? – спрашиваю, напрягаясь всем телом, уже готовая бежать. Куда угодно...

– Хотите в парк аттракционов? Здесь есть один. Недалеко.

– Да-а! – Митька тут же оглушает нас криком, выбегает из-за стола и бросается носиться по дому как заведенный. Но меня внезапная щедрость смущает. Одно дело вещей домой заказать, а тут вывезти, да еще и отпустить бегать по парку. Он же не собирается ходить там за нами?

– Ты не боишься, что мы сбежим? – спрашиваю с иронией, на что Алекс только усмехается.

– Ты накупила вещей на пару сотен тысяч. Никогда не поверю, что ты не захочешь их забрать.

За кого он меня принимает? Думает вещи мне дороже брата?!

– Тогда ты меня плохо знаешь, потому что если ты собираешься...!

– Хватит! – отрезает он начало моей истерики, и я часто дышу, готовая вцепиться ему в волосы. – Это просто парк! У меня выходной. Прекрати везде искать подвох...

– А что мне остается, если ты со мной не разговариваешь...

– О чем ты хочешь поговорить? – спрашивает он и вынуждая меня задышаться, подходит в плотную. – О сцене, что ты наблюдала? О поцелуе, на который не ответила? Или о том, как я ждал тебя в кабинете чтобы поговорить. Ты определись, ты меня соблазняешь или боишься.

Я, сглатывая слюну, смотрю в карие глаза и отвечаю охрипшим голосом, сама, укладывая руки на его плечи. Ни капли сомнений, все так как должно быть.

– Я тебя не боюсь...

Он целует меня мягко, даже не пытаюсь применить язык, и я вспоминаю слова Мирона, что мужчина не будет груб с той, кто нравится.

Мне нужно быть смелее, самой прижаться к нему, показать, что со мной он может получить больше, чем с той женщиной. Мне нужно поработить его. И тогда я не только обрету стабильность, но и смогу быть рядом с братом.

Но все рушится, когда мне в живот упирается что-то твердое.

То, самое, что вторгалось в женщину. Крупное и опасное. Мужское.

Я с вскриком отбегаю, прижимаю ладони к пылающим щекам. Алекс хмыкает и берет спортивный пиджак со стула.

– Не пытайся соблазнить мужчину, если не готова к последствиям. Собирайтесь, я жду в машине.

Глава 10

Мирон

Она опять приехала. Вышла из машины и взяла сигарету длинными пальцами с ногтями красного цвета. И чего она ко мне привязалась?

Ну ограбили мы ее дом, ну поживились немного, да к нам за это и прилетело. Парней моих, подельников, загребли. Я, порезанный, еле успел убежать от ее псов.

Она сама тогда маску с меня стянула, а теперь преследует.

Богатая сучка, деньги которой достались от развода с очередным мужиком. Так чего она за мной то следит, искала бы следующего самца богомола, да мозг ему ебала.

– Это не место для такого, как ты, – высказывается Стелла.

Вот как. Спасибо. Но и в тюрьму я точно не собираюсь. Лучше в парке аттракционов ремонтом заниматься. Я давно здесь подрабатываю. Раньше казалось, что это космолеты, теперь с любой поломкой могу справиться. Но много на этом не сделаешь, а вертеться хочется.

Хочется, чтобы Сашка на меня как на человека смотрела, а не как на оборванца.

– Тюрьма меня не привлекает, – усмехаюсь, вытираю руки и откручиваю крышку на бутылке с водой. В такую жару постоянно пить хочется. А еще приятно знать, как она смотрит на капли, что по футболке стекают. Льстит, что тут скажешь.

– Если бы я хотела тебя посадить, давно бы это сделала.

– За что? – Деловито интересуюсь, подмигивая. – За мою ослепительную красоту?

Она улыбается, показывая ровный ряд белых зубов.

– У меня есть видео записи, как ты угоняешь машину.

– Ночь была, ничего не видно, – парирую я, смотря богатой сучке в глаза. Красивые. Голубые. Но если у Сашки они блестят, то здесь светятся льдом.

И что ей от меня нужно?

Но надо признать, завести она умеет. Наверное, и Сашка скоро такой станет. Лощеной сукой жадной до денег. Но страшнее, кем она может стать без денег. Красивых девчонок быстро в оборот берут. Трахают, подсаживают на наркоту, а потом шлюхами делают. Пусть лучше она со стариком этим трахается, чем по рукам идет.

– Ничего. За деньги ментам можно и очки ночного видения купить. – усмехается она и ближе подходит, опирается на ограду, за которой я ремонтировал и сиськи свои показывает. – Ты, лучше скажи, где водить учился?

– Ясно же где... – хмыкаю и подкуриваю ей сигарету, ощущая, что долбанное воздержание дает о себе знать.

Девки не слишком падки на оборванца без денег, а на всякую шваль и смотреть не хочется.

А эта вот не шваль, эта телка высшего сорта. И судя по взгляду, она хочет меня.

А я что? Я разве буду сопротивляться? Тем более всегда можно развернуть спиной и представить, что вставляешь Сашке. Тем более, что волосы одного оттенка.

– Что вы хотите?

– Использовать твой талант водителя себе во благо... А чего хочешь ты? – спрашивает она растянув красные губы в усмешке. И первым делом на ум приходит Сашка, но чтобы ее получить нужны бабки. Так что надо вертеться.

– Трахнуть тебя хочу...

– О, это ты получишь, если начнешь для меня выигрывать на гонках.

– Когда начинать? – мысленно потираю руки. О такой возможности я даже не мечтал.

– Где мой дом, помнишь? Жду тебя вечером. Покатаемся и пойдем на что ты способен.

Она затягивается, после чего вставляет мне сигарету в рот. Весьма явно давая понять, что она будет проверять все мои способности. Потом, виляя бедрами уходит к своей тачке, за рулем которой ощущаешь по меньшей мере себя человеком, а не отбросом общества.

– Ремезов!? Закончил?! – спрашивает главный технарь парка, и я машу рукой в знак согласия. Нормальный мужик, только вот прибухнуть любит. Если с этой сучкой все сложится, мне придется отсюда уйти. А значит кто-то обязательно пострадает. Потому что починкой последние пару лет занимаюсь только я.

– Клиентов прими, пожалуйста! – кричит он снова, и я снова машу рукой и замираю, когда вижу, кто собирается покататься на колесе обозрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.